

УДК 811. 352.3

ББК (2=Рус) 6

Г – 99

Н.Е. Гюльназарян

Идея противоречивости личности в историческом романе конца XX века

(А.Ю. Сегень, В.В. Личутин)

(Рецензирована)

Аннотация:

В данной статье рассмотрено истолкование сущности противоречивости личности писателями в исторической прозе. Проанализированы два направления, отражающие основы христианского миропонимания: идея двойственности личности, преодолеваемая страданием на пути к духовному преображению; идея противоречивости личности, выраженная триадой «человеческое» - «звериное» – «божественное», которая позволяет подчеркнуть многосложность и противоречивость человеческой души.

Ключевые слова:

Личность, противоречия, исторический роман, писатель, страдание, душа, вера, истина, христианское миропонимание.

Сменяющиеся исторические эпохи ставят перед человеком новые задачи, что влечет за собой духовную противоречивость, внутренний конфликт личности, напряженность отношений между людьми.

Можно отметить характерные особенности в восприятии писателем человека при обращении к историческому роману: ощущение в себе прошлого, внимание к душевному состоянию, преобладание всеобщего МЫ над единичным Я в сознании человека, соизмерение его деяний с ликом Бога (что определяется историческим мироощущением анализируемых эпох). В концептуальном видении личности современными писателями на первый план выступает идея противоречивости человека, внутренняя борьба между добром и злом, единичным и целым, Дьяволом и Богом. В некоторых случаях это определяет раздвоенность человеческой личности.

Например, А.Ю.Сегень в историческом романе «Государь Иван Третий» представляет противоречивость духовной личности в ее слабости перед земными пороками: хвастовстве, гордости, вольготности в выполнении строгих церковных правил, зависти. На наш взгляд, личность, приближенная к Богу, находится в непосредственном общении с ним через молитву, получая одухотворение, смирение и благоговение. Церковный дух оздоравливает человека, делает его чистым и праведным. В романе мы не видим подобного очищающего воздействия на душу священнослужителей от общения с Богом. Непоследователен в церковных мыслях и деяниях митрополит Филипп, страдает от воинственности души владыка Вассиан, заложником своей гордости становится архимандрит Чудовского монастыря Геннадий; к пониманию греховности своей души приходят Нил Сорский и Иосиф Волоцкий.

Лишь в страдании герои одухотворяются и приходят к истинному пути, к глубине познания духовного мира, тем самым обретая веру в Господа. А.А.Безруков рассматривает категорию страдания и называет ее одной из ведущих в русской классике. Она, по мнению исследователя, «во-первых, органично-традиционно входит в область философии художественного творчества, во-вторых, ярко проявляется в практике такового на всём протяжении тысячелетнего пути русского литературного процесса» [1: 19]. Роль страдания в жизни человека, по мнению А.А.Безрукова, можно представить в виде триады: страдание – смерть – воскрешение. Такое построение «ведёт не только к приятию страдания, но и к осознанию его торжества, предопределённого торжеством

грядущего воскресения» [1: 20]. Таким образом, данная категория раскрывает творческую индивидуальность личности во всех сферах деятельности.

А.Ю.Сегень в романе «Государь Иван Третий» смог достоверно изобразить внутреннюю борьбу личности в выборе между нравственно-праведной жизнью, приближающей к достижению идеала, и существованием в мире соблазнов и земных пороков; показать духовное очищение личности через страдание, покаяние и смирение.

В историческом романе В.В.Личутина «Раскол» идея противоречивости личности представлена триадой «человеческое» - «звериное» – «божественное» в обрисовке образов. Например, он в романе показывает изменения во внешности патриарха Никона от сановитости к дьявольскому облику через образы вепря, ворона и дикого волка. Данная трансформация личности позволяет Н.В.Ковтун, исследователю творчества В.В.Личутина, назвать Никона героем наизнанку, оборотнем, причислить патриарха к "чужой" inferнальной стихии [2: 86]. На наш взгляд, Никон в романе «Раскол» предстает амбивалентной личностью, мечущейся между Богом и Дьяволом, в то время как «звериная» сущность являет промежуточную стадию (страдание) на пути к духовному обновлению, «святости».

Художественные функции триады «человеческое» - «звериное» – «божественное» заключаются в том, что она не только подчеркивает многосложность и противоречивость человеческой души, но и позволяют автору дать свою нравственную оценку составляющих человеческую душу противоречий. Обнаружить в человеке божественное начало, открыть его Лик – означает обнаружить его единство со всем миром и Богом. Данная концепция автора отражает основы христианского миропонимания и характерную особенность национального мироощущения.

Сопоставление писателем героев с животными свидетельствует о том, что духовное начало в личности вытесняется давлением зова животной плоти. Лола Звонарева в статье «Между зверинцем и храмом: Заметки о современной исторической прозе» рассматривает противостояние духовного и плотского в современном человеке, придавая этой проблеме вселенское значение: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя. Что же победит в нем - культурный зоологизм или то "сердце милующее", которое горит любовью ко всей твари? Чем надлежит быть вселенной - зверинцем или храмом?» [3: 193]. Л.Звонарева выражает надежду на духовное возрождение личности и Храма русской культуры в борьбе с «рыночным зверинцем», в который погружены ныне миллионы россиян. Отечественной исторической прозе отводится в ожидаемой победе главенствующее место, тем более что в последнее десятилетие она внесла в этот процесс ощутимый вклад. Исследователь считает, что исторические произведения отечественных писателей разных поколений сегодня можно рассматривать как конспект эволюции русского исторического сознания: одни пишут в духе славянофильства (В.В.Личутин), другие – западничества (А.Архангельский), третьи – стремятся в своих произведениях соединить широту охвата с глубиной постижения событий. Интерес писателей к историческому прошлому России критик объясняет следующим: «Возможно, стремление выяснить, поконкретнее определить свои отношения с историей, интуитивное ощущение вновь возникшей в нашей культуре <исторической щели> между советским и постсоветским периодами, сопровождающейся мощной сменой идеологических и нравственных ориентиров, заставляет отечественных литераторов все чаще обращаться к исторической прозе и мемуарам» [3: 192]. Так, в исторических романах А.Ю.Сегеня и В.В.Личутина мы можем выдвинуть главную мысль авторов: порыв личности к Истине – это единственная возможность преодолеть противоречия жизни, хаос, рассеять сгустившийся туман над Церковью и народом в современной России.

Примечания:

1. Безруков А.А. Феномен возвращения к православному и категория страдания в русской классической литературе XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2007. 42 с.
2. Ковтун Н.В. Социокультурный миф в современной прозе. Творчество В. Личутина: Монография. Красноярск, 2002. 164 с.
3. Звонарева Л. Между зверинцем и храмом: Заметки о современной исторической прозе // Москва. 2006. № 6.